

И.Ю. КОБЗЕВ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ И КЛЕОПЫ

или

Опаздывающие свидетели

(Киносценарий)

Действующие лица:

Лука – врач, плотный, среднего роста мужик и черной бородой, лет 35, лицо бандитское, но голубые глаза смотрят лукаво и ласково.

Клеопа – художник, типичный еврейский юноша, дерганый, суетливый, тощий с длинными руками, ногами и носом, лет 20.

Сцена I

(Пейзаж как на картине Поленова «Христос на Генисаретском озере». Западный берег озера. По тропинке идут Лука и Клеопа: Клеопа впереди, говорит размахивая руками, все время оборчиваясь к Луке, Лука идет и отвечает спокойно)

- (Лука) Больно падок ты, Клеопа, на чудеса – вот что я тебе скажу,
- (Клеопа) А ты в них не веришь?
- (Лука) Почему не верю? Если бы не верил, не был бы лекарем: в нашем деле никогда не знаешь, от чего больной выздоровеет, а от чего померет, - на все воля Божья. Однако, если бы врач надеялся только на чудо, то не было бы врачевание искусством, а было бы оно магией,
- (Клеопа) А что, есть какая-то разница?
- (Лука) Таки да есть: если у тебя, скажем, понос, не дай Бог, случится, то я буду тебя зверобоем лечить или листом ореховым, а не сотрясать воздух заклинаниями. Что лечится - то нужно лечить, а вот, что не лечится - о том нужно к Богу молиться: негоже Господа тревожить по поводу каждого засранца,
- (Клеопа) Я интересуюсь знать, что ты думаешь о рассказе того торговца рыбой – о рабби, ходившем по воде, усмирявшем бурю словом и молитвой загонявшим рыбу в сети?
- (Лука) Думаю, что это брехня – мало ли что люди на базаре болтают. Человек – скотинка лживая - порой его хлебом не корми, дай только соврать покрасивее,
- (Клеопа) Чего ж ты тогда пошел со мной к Галилейскому морю,
- (Лука) Во-первых, потому что за рыб и за чудеса озерные нужно спрашивать рыбаков, а не торговца протухшими окунями. А во-вторых, чтобы у тебя под рукой был опытный врач, который тебя будет лечить, когда ты-таки в какое-нибудь чудо вляпаешься,
- (Клеопа) Ты делаешь грех, Лука, - ты смеешься. Я имею чувство на правду, и я хочу своими глазами увидеть этого рабби,
- (Лука) Но для начала хорошо бы увидеть тех, кто его видел. А, вон вроде рыбаки, погляди Клеопа, у тебя глаза молодые,
- (Клеопа) Таки да, рыбаки. Сейчас мы их и расспросим.

Сцена II

(два рыбака пожилой – Абрам, и молодой – Иосиф)

- (Клеопа) Почтение вам и добрый день!

- (Абрам) И вам не кашлять! Кто вы и откуда будете?

- (Клеопа) Мы из Кесарии Филипповой. Я художник – Клеопа, а это Лука – врач,

- (Абрам) О, врач – это хорошо! Скажи мне, врач, почему это у меня по утрам спина болит,

- (Лука) Это потому, что ты давно живешь,

- (Абрам) И что с того?

- (Лука) А то, что ничего с этим не поделаешь – возраст!

- (Абрам) Я имею интерес, чтобы спина у меня не болела,

- (Лука) Кто ж от старости лечит?

- (Абрам) А вот был тут один пророк: лечил и тех, от кого врачи отказались. У него и слепые прозревали и расслабленные танцевали. Скажи, Йося,

- (Иосиф) А то?

- (Лука) А сами-то вы видели этих исцеленных?

- (Абрам) Нет, сами не видели. А вот пророка этого знаем – он у нас тут был недолго. Хороший человек: говорит мало, но хочется, чтобы сказал еще что-нибудь. Скажи, Йося,

- (Иосиф) А то?

- (Абрам) Да, человек хороший, но связался с отморозками местными. Так они с ним и ушли, слава Богу,

- (Клеопа) С какими отморозками?

- (Абрам) Хулиганские морды, бандиты, чтоб земля их выбросила! Эти трое – Симон и два братца Заведеевы Андрей да Иоанн. Житья от них не было. Братья - те чисто бандиты, зря что рыбаки. А Симон – дурень местный, хотя тоже рыбу ловил. Да какие из них рыбаки? Я вам отвечаю - они же только по ночам рыбу ловили, чтобы утром продать да залить свои зенки бесстыжие на целый день. У них в голове одна мысль об выпить вина и об дать кому-нибудь по морде – и это все! Они и озеро наше толком не знали, потому что днем не рыбачили. А этот, слышь, рабби-то, который их увел, умный человек, сразу видно – он все нас об озере расспрашивал, все внимательно слушал и на ус мотал, а потом, таки да, показал этим дурням такое, что они чуть от страха в штаны не наложили, скажи Йося,

- (Иосиф) А то?

- (Клеопа) Мы очень интересуемся это знать. Мы ведь для этого сюда и пришли. Расскажи нам об этом, уважаемый,

- (Абрам) Я простой человек, без хитростей, я нахожусь при рыбах и занимаюсь моим занятием. Но я имею что вам рассказать за этого Назарянина. Потому что сам видел, как он по воде шел,

- (Клеопа) Шел по воде?!

- (Абрам) Ну это они так подумали – Симон то есть и эти братцы Заведеевы. Они в лодке были посреди озера, а тут Назарянин этот идет к ним по воде. Они же и не знали, что там отмель – там Иордан начинается и течением в озере и намыло песок так, что воды будет воробью по колено. Вот по этой-то отмели и шел рабби. А Симон увидел и полез из лодки, чтобы тоже, значит, пойти к нему навстречу. А там – шаг в сторону и прощай как звали. Вот дурень-то и стал тонуть, а Назарянин ему и говорит так шутейно: «Ты не суетись, ты укрепи свои нервы. Как это так – вода тебя не держит? С

чего бы ей не держать тебя? Ты же не камень». А дурень орет и тонет. Нет, я вам отвечаю – там было с чего посмеяться! Скажи Йося,

- (Иосиф) А то?

- (Клеопа) А дальше?

- (Абрам) А дальше рабби влез в лодку и сказал этим горе-рыбакам, что рыба сегодня будет в заводи – это он уже знал за те дни, что пробыл среди нас, - у него же под шапкой не только волосы, как у этих пьяниц. Ну, они закинули сеть и правда вытащили хороший улов. Тут у них крышу совсем снесло. Симон закричал: «Рабби, мы готовы за тобой куда прикажешь». А тот ему так шутейно: «Ты теперь будешь не Симон, а Петр – Камень, а камню на воде делать нечего. Пойдем со мной, я тебя научу ловить среди людей». Ну и Симон ушел с ним. И братья Заведеевы за ними увязались,

- (Клеопа) А куда они ушли?

- (Абрам) А кто их знает? Говорят, видели их дня три тому в стране Гадаринской – на том берегу озера. Что-то там они учудили со стадом свиней или с человеком припадочным, я точно не понял,

- (Клеопа) Спасибо вам за рассказ, добрые люди! Мы пойдем туда, мы очень интересуемся увидеть этого Назарянина своими глазами,

- (Абрам) Ну, ну, Бог вам в помощь. Если увидите Симона с братцами, скажите, что тут по ним еще никто не соскучился!

- (Лука) Будьте здоровы!

- (Абрам) Вашими молитвами! Доктор, а что насчет моей спины?

- (Лука) Молись Господу, рыбак!

- (Абрам) Это я уже от нашего раввина слышал. Здается мне, что ты такой же врач, как он рыбак. Мы лучше вина выпьем, верно Йося?

- (Иосиф) А то?

- (Лука) Думаешь поможет?

- (Абрам) От спины может и не поможет, но пьющие вино получают удовольствие от горя и от радости – так-то, доктор!

(Лука и Клеопа уходят, рыбаки пьют вино)

- (Йося отпивает из чаши и произносит) А ведь там нет никакой отмели, а – Абрам?

- (Абрам) Ну нет, и что с того? Йося, выпивай и закусывай, и пусть тебя не волнует этих глупостей. Или ты хочешь, чтобы вместо рыб здесь бродили косяки туристов. Я не хочу их как человек не хочет смерти. Пусть они толпятся на том берегу, а мы с тобой будем находиться при рыбах и заниматься нашим занятием...

Сцена III

(Восточный берег Генисаретского озера. Базар в Гергесе. Лука и Клеопа подходят к хлебной лавке)

- (Лука заглядывает в лавку) Почтение вам и добрый день! Кто будет здесь за хозяина?

- (Из окошка лавки выглядывает лукавая рожа толстенького хозяина) - Мое почтение странникам! Кто вы будете, откуда идете и чем дышите? Если хотите что-нибудь наблюдать из нашей жизни, то зайдите в мою лавку, есть с чего посмеяться..,

- (Клеопа) Мы из Кесарии Филипповой. Я ходожник – Клеопа, а это Лука – врач. Мы интересуемся знать за пророка, который, говорят, изгнал бесов из расслабленного, а бесы эти вошли в стадо свиней, и свиньи бросились в озеро и утонули...

- (булочник) Молодой человек, я конечно имею что сказать за этого пророка Иешуа, я его видел и даже слышал о сдохших свиньях... Я вам больше скажу: и хозяин стада тоже

об этом слышал. Но не надо суетиться, а лучше спросите у меня: хорошо ли сделал пророк Иешуа, когда исцелил этого придурка?

- (Лука) Исцелить больного всегда благо!

- (булочник) Ты врач – ты с этого имеешь свой заработок, конечно для тебя это благо. А каково от этого окружающим? Конечно раньше этот дурак кидался на людей, ну так и жил он за городом, чтобы никому не мешать. А теперь?

- (Лука) А где теперь этот расслабленный?

- (булочник) Теперь расслабленный расслабляется – вон он валяется у винной лавки, вторую неделю в запое. Вы знаете, еврей-пьяница это такая редкость, но теперь, слава Богу, и у нас все как у людей – и свинину едим и пьяные валяются на улице,

- (Лука) Ничего, проспится и будет здоров,

- (булочник) Вот! Этого я и опасуюсь. Ты знаешь, что у него делается под шапкой, какие мы получим с этого неприятности, какую завирюху,

- (Лука) Там их по-моему двое лежат?

- (булочник) Ну, да, двое – второй это тот самый Мойша-пастух, который всему базару раструбил, что свиньи в озеро бросились,

- (Клеопа) А ты в этом сомневаешься, уважаемый?

- (булочник) Я этого не говорил! Только пусть мне объяснят, почему это на базаре свинина вдруг подешевела до пятидесяти денариев за пол-туши. Пятьдесят денариев! Еще две недели тому за эти деньги курицу нельзя было купить, а теперь пол-свиньи! Это как? Это чудо почище исцеления расслабленного будет, а? Почтенный Иуда назвал это «экономическим чудом»,

- (Лука) Кто?

- (булочник) Иуда из Кириафа – он заведует деньгами у этого пророка Иешуа. Сказать по-правде, это единственный порядочный человек во всем этом кагале. Он всегда имеет в запасе пару приятных слов для человека, когда покупает у него товар. А то придет этот Симон по кличке Петр с ножом за пазухой, так ему и не скажешь об заплатить – лишь бы с глаз долой поскорее. И все они там такие – рвань да пьянь. Я спросил почтенного Иуду, как это он живет среди этого сброда? И знаете, что он мне ответил?

- (Лука) Что?

- (булочник) «Жалко мне его – пропадет он без меня», - это он о пороке своем. Большой души человек этот Иуда!

- (Клеопа) Так ты думаешь, что на базаре продают тех самых свиней, которые бросились в озеро?

- (булочник) Тех самых, которые бросились... на нож Мойши-пастуха. А вы думаете на какие деньги эти мерзавцы пьют вторую неделю? И кто видел этих свиней в озере? – Я не видел. И никто не видел, но все слышали эту историю от самого Мойши,

- (Клеопа) Так ты считаешь, что пророк не совершал этого чуда?

- (булочник) О пророке я молчу! Я не специалист по пророкам, я простой человек, я нахожусь при своих лепешках и занимаюсь моим занятием. Но! Пусть мне ответят почтенные раввины и фарисеи с каких пор пророки путешествуют с проститутками?

- (Клеопа) С проститутками?

- (булочник) А кто она по-вашему? Я знаю эту лахудру: с ней может переночевать любой и она останется довольна. А он ее взял с собой. Может это сейчас так принято, я не знаю, я не специалист, но я сомневаюсь, что какой-нибудь Петр имел к ней что-нибудь кроме своих животных шуток,

- (Клеопа) А что же пророк?

- (булочник) Ошибаются все, даже Бог. Но тот, кто подвесил язык этого Иешуа, знал свое дело. Тут местные фарисеи хотели побить камнями эту шалаву, а Иешуа их и спрашивает: «Интересуюсь знать, почтенные, может ли человек отпустить грехи?», -

«Нет, - отвечают те, - это может сделать только Бог». «Тогда как вы можете наказывать за грехи, которые не можете отпустить?», - спрашивает Иешуа. А они не знали, что ему ответить, так и остались стоять. А он взял за руку эту девку и ушел со своей кодлой,
- (Клеопа) А куда они ушли, уважаемый?
- (булочник) Кто их знает? Говорили что-то об Иудее, может туда и ушли,
- (Клеопа) Спасибо тебе за твой рассказ,
- (булочник) Пожалуйста, я всегда имею в запасе пару слов для хороших людей!
- (Лука) До свидания, почтенный!
- (булочник) Шалом!
(Клеопа и Лука уходят)
- (Булочник) Ветер вас носит как дурную щепку. Кулой гэвэл (Суета сует). Весь свет – бордель, а люди – аферисты...

Сцена IV

(Ночь, дорога на входе в Вифанию, Лука и Клеопа идут наощупь)

- (Лука) Темно, как в заднице у эфиопа,
- (Клеопа) Я бы сказал как в чреве кита, где сидел пророк Иона,
- (Лука) Это одно и то же, только ты сказал как художник, а я – как врач,
- (Клеопа) Там кто-то стоит, смотри, Лука! (И громко) Шалом, добрый человек!
(от стены отделяется богато одетый человек, он в неадекватном состоянии, может быть и пьян, одежда его в беспорядке, испачкана)
- (Незнакомец) Стой, кто идет?
- (Лука) Свои: мы паломники из Галилеи, идем в Иерусалм на Пасху,
- (Незнакомец) Как, опять галилеяне?! Уходите, у меня делается припадок от вас,
- (Лука) Кто тебя так огорчил, уважаемый?
- (Незнакомец) Я был уважаемый фарисей в Вифании – меня Иосиф зовут – пока этот ваш Галилейский проповедник не ввел меня в грех. Софист греческий, чтоб у него земля горела под ногами! Он так все заплел, что заставил меня, Иосифа-фарисея, сказать богохульство!
- (Лука) Не может быть!
- (Иосиф) Вы интересуетесь это знать? – Я вам скажу: в прошлую субботу этот Иисус и Назарета воскресил Лазаря!
- (Клеопа) Это же чудо!
- (Иосиф) В субботу!? Мозг вместе с волосами поднялся у меня дыбом, когда я услышал это! Нет, я ничего не имею против живого Лазаря, хотя и против мертвого я ничего не имел бы. Но нельзя же в Субботу! Я ему так и сказал: «Рабби, ты делаешь грех». А он спрашивает: «Как ты думаешь, Иосиф, Суббота для человека или человек для Субботы?», я ему отвечаю: «Не знаю как у вас там в Галилее, а у нас Суббота для Бога», а он опять спрашивает: «Так ты думаешь, что в субботу Бог отдыхает?», - я говорю: «А как же, разве ты не читал Тору?», - «А может ли кто-нибудь кроме Бога воскресить мертвого, как ты думаешь?», - «Конечно не может», - «Так кто же воскресил Лазаря, Иосиф?», - «Ты...», тут я понял, что сказал что-то ужасное, а он говорит: «Ты это сказал, Иосиф» и усмехнулся. Искуситель! Нет, надо его остановить, он сеет неприятности, а мы получим гнев Божий. Надо идти в Иерусалим к Первосвященнику, пусть решает, что с ним делать, дальше это терпеть нельзя... И я пойду, я должен идти... да, да... теперь же, сейчас же...
(фарисей пошатываясь уходит в темноту)

- (Клеопа) Ты слышал, Лука? Что ты скажешь?

- (Лука) А что сказать, я тоже делал грех и лечил больных в Субботу, такая уж профессия – болезнь ведь не знает Субботы,

- (Клеопа) Да я не о том – ты слышал о воскресении Лазаря? Пойдем, нам надо найти его и расспросить об этом,

- (Лука) Как ты его хочешь искать?

- (Клеопа) Спросим кого-нибудь, уже светает, сейчас найдем кого-нибудь. Вон человек у забора (громко) Почтение вам и добрый день!

- (Хаим) Мое почтение, если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите ко мне во двор. Я Хаим-аптекарь, правда я еще немножечко шью, но главным образом пользую местное население. А вы кто будете?

- (Клеопа) Мы паломники из Галилеи. Я художник – Клеопа, а это Лука – врач. Мы интересуемся знать за воскресшего Лазаря,

- (Хаим) О врач! Шолом, коллега! Я вам скажу - я имею вам сказать за Лазаря, кто лучше меня его знает - мы ведь с ним соседи. Почти родственники – я ведь сватался к его сестре Марфе. Да, моя покойница жена умерла, я остался один в моей работе, мне нет помощника ниоткуда, и вот я один, как бывает один Бог на небе. А Марфа такая девушка, для которой никакой работы не бывает много – не жена, а сказка. А Лазарь мне отказал и бедная Марфа осталась как ночной сторож при чужом доме,

- (Лука) А почему он отказал тебе?

- (Хаим) Он имеет интерес выдать замуж свою сестру Марию. А кто ее возьмет эту шалаву, ее вся Вифания знает, причем половина Вифании знает ее со всех сторон. Вот Лазарь и сказал, что пока Мария не выйдет замуж, Марфу он не выдаст. А тут такая удача – услышал Бог мои молитвы и прибрал Лазаря. Я уже приготовил погребальные пелены для соседа и свадебный наряд для Марфы, как вдруг узнаю, что бродячий пророк из Галелеи воскресил Лазаря. Представляете, коллега, четыре дня лежал покойник, а тот его воскресил,

- (Лука) Навеное уже и запах появился?

- (Хаим) Ну запах, положим, у Лазаря всегда был еще тот. Прямо скажем – не благоухал наш Лазарь и при жизни, так что смерть не сильно его испортила. Но скажите – зачем? Кому от этого лучше? Говорят, это Мария уговорила пророка. Видел я, как она его уговаривала – случайно..., в окошко..., проходя мимо. Представляете картинку: пророк возлежит со своими учениками, пьет вино, а Мария ему ноги целует. А, каковы эти пророки новой формации! Это все тлетворное влияние Запада – эллинизм нас погубит, вот увидите! Разве можно себе вообразить, чтобы наш еврейский пророк приблизил к себе женщину, чтобы позволил ей умащивать себя благовониями? Видел я настоящего пророка – слыхали об Иоанне из пустыни? Вот это пророк! Наши из Вифании ходили к нему на Иордан очищаться от грехов, и я ходил. Грозен, могуч и грязен – он вообще в шкуре ходит и акридами питается. Голос – как Иерихонская труба, взгляд - ... когда он взглянул на меня, я понял что до сих пор жил зря, но, слава Богу, недолго и жизнь моя сейчас тут и закончится. Вот какие пророки нам нужны! Куда только Иерусалим смотрит?

- (Лука, засуетившись) Да, Иерусалим. Пора нам, спасибо коллега за твой рассказ, пойдем мы, пора нам. Шалом! (Уходят)

- (Хаим) Легкого вам пути!

- (Клеопа) Зачем ты меня увел, Лука?

- (Лука) Что-то мне беспокойно, Клеопа, я чувствую, что-то нехорошее может случиться с Иисусом в Иерусалиме, надо спешить...

- (Хаим себе) А может оно и мне в Иерусалим сходить? А там, глядишь, Лазарь прекратит этих глупостей и опять станет мертвым человеком...

Сцена V

(Комната гостиницы в Иерусалиме, две кровати, стол, стул. Вечер, на столе горит светильник. Лука лежит на кровати. В дверь врывается Клеопа)

- (Лука) Ну, что, видел?
- (Клеопа жадно пьет воду из кувшина, говорит с одышкой) Видел... но издали... там солдат нагнали... все оцеплено,
- (Лука) Но его точно казнили?
- (Клеопа) Точно, я видел его на столбе...
- (Лука) Вот мы и опять опоздали... и теперь уже навсегда,
- (Клеопа) Я говорил с одним из его учеников – там в толпе познакомились, его зовут Фома. Он сказал, что его предал кто-то из своих, может даже Петр,
- (Лука) Откуда он знает?
- (Клеопа) У них есть свой человек в Синедрионе, и тот видел Петра вчера ночью во дворе первосвященника, к нему подходили люди из храмовой стражи, но он им что-то сказал и они его отпустили,
- (Лука) Жлобом был – жлобом остался, чтоб ему не знать упокоения!
- (Клеопа) А Иуда перед Синедрионом пытался оправдать Иисуса, говорил, что тот безумен, что безумного нельзя судить. Но видимо все было решено заранее – Каиафа обвинил его в богохульстве и Синедрион проголосовал за казнь,
- (Лука) Ну да, а римский наместник добавил к этому оскорбление величества императора – быстро они дела шьют,
- (Клеопа) И знаешь, что сказал Иисус на суде? – Он остановил речь Иуды и сказал: «Все правильно: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»,
- (Лука) А что Иуда?
- (Клеопа) Фома говорил, что Иуду ночью тайно убили люди Каиафы. Фома очень боится, что начнется охота на всех учеников Иисуса, поэтому собирается сегодня же ночью бежать из города,
- (Лука) Этот Фома прав. Нам тоже пора уходить: сначала они выловят тех, кто его знал, а потом начнут ловить тех, кто им интересовался. Утром же уйдем,
- (Клеопа задумчиво) Знаешь, Лука, а я наверное нарисую его портрет,
- (Лука) Кого?
- (Клеопа) Иисуса,
- (Лука) Ты же его не видел?
- (Клеопа) Но мне кажется, что я его очень хорошо себе представляю,
- (Лука) Только давай ты будешь его рисовать уже дома. Ложись спать, Клеопа, с первыми петухами уйдем...

Сцена VI

(Раннее утро. Лука и Клеопа идут от Иерусалима по дороге на Иоппию. Их нагоняет еще один путник. Они разговаривают. Лука и Клеопа что-то рассказывают ему. Камера снимает незнакомца только со спины)

(Голос Луки за кадром): «В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях.

И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и некто, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его.

Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?

Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?

И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его»

(камера все время показывает Луку и Клеопу, а Незнакомец все время остается за кадром или со спины):

- (Лука) Вот такая история... Если бы я имел дар слова, я бы написал об этом, ей Богу, -

- (Незнакомец) Обязательно напишешь, Лука,

- (Лука) Человек, ты смеешься надо мной?

- (Незнакомец) Нет, я серьезно,

- (Лука) Я врач, а не писатель,

- (Незнакомец) Если бы ты знал, Лука, скольким врачам еще предстоит стать писателями,

- (Лука) Но что я могу описать – мы же все время с Клеопой опаздывали, мы даже не видели этого Иисуса, мы только слышали разговоры о нем, слухи, сплетни, домыслы.

Как же я смогу описать правду?

- (Незнакомец) А что есть правда, Лука? – Мне, кстати, самому задали этот вопрос третьего дня,

- (Лука) И что ты ответил?

- (Незнакомец) Правда – это я, потому что я знаю только себя, а обо все остальном я имею только более или менее ложные представления,

- (Лука) Но как же тогда можно об этом остальном писать?

- (Незнакомец) Писать нужно о том, что ты сам прожил, что стало твоим «я», и писать так, чтобы читатель почувствовал, что это все прожил и он. Тогда об остальном, непрожитом, он домыслит сам, и вообразит это не менее ярко, чем то, что прочитал. Это как узор мозаики – по его части, которую ты видел, можно легко восстановить целый узор. Ведь так, художник?

- (Клеопа) Я бы сказал, что это похоже на разные тени, которые отбрасывает предмет, когда его освещают с разных сторон. Каждая такая тень – это рассказ свидетеля, видевшего и говорившего с этим человеком. И когда я в своем воображении соединяю все эти отражения, я начинаю видеть его как живого,

- (Незнакомец) Ты, Клеопа, нарисуешь его портрет,

- (Клеопа, вздрогнув от неожиданности) А?

- (Незнакомец) Клеопа, неужели ты не узнал меня?

- (Клеопа пристально смотрит на Незнакомца, потом, улыбнувшись, говорит) Таки да, теперь нарисую...

22.1.2014.